

Научная статья
УДК 343.2/7
<https://doi.org/10.24158/pep.2021.10.5>

Предупреждение экстремизма в молодежной среде: поиск оптимальной модели

Владимир Павлович Коняхин¹, Антон Владимирович Петровский²,
Татьяна Юрьевна Батютина³

^{1,2,3}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹vladkon54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>

²Anton-Petrovski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0326-0807>

³tatjanka_92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1083-790X>

Аннотация. Статья посвящена проблеме предупреждения экстремизма в молодежной среде. Согласно авторской позиции, система превенции в данной сфере должна базироваться на взаимосвязи, детерминированности и иерархичности различных сдерживающих и нейтрализующих мер общесоциального, принудительно-профилактического, административно-деликтного, уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера. Такая система должна представлять собой самоподдерживающий и самовоспроизводящий нормативно-институциональный механизм, где деликвент имеет дело с интегрированным комплексом социальных и юридических норм, повторяющим по нарастающей меры (формы) профилактического и репрессивного принуждения. При этом особое внимание уделено анализу мер уголовно-правового характера за совершение экстремистских преступлений в контексте специфики возраста и мотивационной составляющей их субъектов. По мнению авторов, концептуальной идеей предупреждения экстремизма в молодежной среде должен стать приоритет духовно-нравственного воспитания над карательным воздействием. По итогам исследования предлагается комплексная модель предупреждения экстремизма среди молодежи с учетом ее структурно-функционального наполнения.

Ключевые слова: экстремизм, предупреждение, молодежная среда, противодействие, правовая модель, социально-культурное воздействие, принудительно-профилактическое воздействие, наказание, принудительные меры воспитательного воздействия, исправительное воздействие

Для цитирования: Коняхин В.П., Петровский А.В., Батютина Т.Ю. Предупреждение экстремизма в молодежной среде: поиск оптимальной модели // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 10. С. 36–41. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.10.5>.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № ФНИ-ГО-20.1/16.

Original article

Preventing youth extremism: finding the optimal model

Vladimir P. Konyakhin¹, Anton V. Petrovskiy², Tatyana Yu. Batyutina³

^{1,2,3}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹vladkon54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>

²Anton-Petrovski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0326-0807>

³tatjanka_92@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1083-790X>

Abstract. The paper is devoted to the problem of preventing youth extremism. Based on the author's position, the prevention system in this area ought to be based on the interrelation, determinacy and hierarchy of various deterrent and neutralizing measures of a general social, coercive-preventive, administrative-tort, criminally-legal and penal-executive nature. Such a system should be a self-sustaining and self-reproducing normative-institutional mechanism, where a delinquent deals with an integrated set of social and legal norms, repeating incrementally measures (forms) of preventive and repressive coercion. Particular attention is paid to the analysis of criminal law measures for extremist crimes in the context of the specific age and motivation of their perpetrators. On the authors' view, the conceptual idea of preventing youth extremism should be to prioritize spiritual and moral education over punitive influences. A comprehensive model for the prevention of youth extremism, taking into account its structural and functional content, is proposed as a result of the study.

Keywords: extremism, prevention, youth environment, counteraction, legal model, socio-cultural impact, coercive-preventive impact, punishment, coercive educational measures, correctional treatment

For citation: Konyakhin V.P., Petrovskiy A.V., Batyutina T.Yu. Preventing Youth Extremism: Finding the Optimal Model // Society: Politics, Economics, Law. 2021. No. 10. P. 36–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2021.10.5>.

Funding: the research was carried out under financial support of the Kuban Science Foundation under Scientific Project No. FNI-GO-20.1/16.

Контент-анализ специальной научной литературы свидетельствует о том, что оптимальная модель предупреждения экстремизма в молодежной среде должна представлять собой симбиоз нормативных правовых средств (административного, уголовного, криминологического, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного характера) и социально-нормативных механизмов, таких как правовая культура, правосознание, традиции, обычаи, общественное признание нормативных предписаний и установлений. Сущностное содержание такого процесса основывается на взаимосвязи, детерминированности, иерархии применения различных сдерживающих и нейтрализующих мер в порядке возрастания: *общесоциальное, принудительно-профилактическое, административно-деликтное, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное*. Другими словами, система превенции экстремизма должна являть собой самоподдерживающий и самовоспроизводящий нормативно-институциональный механизм, где деликвент имеет дело с интегративным комплексом социальных и юридических норм, повторяющих по нарастающей меры (формы) профилактического и репрессивного принуждения. Предлагаемая авторская модель предупреждения экстремизма в молодежной среде воспроизводится на рисунке 1.

Рисунок 1 – Модель институционально-нормативного предупреждения экстремистских преступлений

В рамках *социально-культурного воздействия* используются такие методы, как правовая пропаганда и просвещение, образовательные программы, морально-нравственные нормы, религиозные установки, корпоративные правила. Благодаря этому создается атмосфера неприятия проявлений экстремизма на бытовом уровне и нейтрализации его причин и условий, поскольку порождается реакция психологического отторжения и готовности в рамках микрогрупп пресекать указанные антиобщественные деяния [1].

Принудительно-профилактическое воздействие реализуется после получения информации о радикальных установках, воззрениях, побуждениях, наклонностях, свойственных индивиду, при наличии высокой вероятности совершения им экстремистских преступлений либо иных правонарушений. Такое воздействие выражается в полицейском и родительском надзоре, профилактических беседах, помещении в специальное образовательное учреждение открытого либо закрытого типа, запрете посещения спортивных мероприятий, ограничении пользования смартфонами, ноутбуками, контролируемом пользовании сетью Интернет. В зарубежных государствах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, склонных к радикализму, в настоящее время уже реализуются следующие принудительные профилактические меры: 1) поручительство, предусматривающее принятие обязательств по воспитанию и контролю, за неисполнение которых поручитель привлекается к ответственности; 2) контролируемая свобода; 3) проживание совместно с родственником или образовательной группой; 4) наложение на несовершеннолетнего судом различных образовательных/профессиональных обязанностей, которые будут направлены на воспитание с учетом его предпочтений (интересов) [2].

Административно-правовое и уголовно-правовое воздействие выражается в индивидуализации наказания, т. е. реализуется с учетом особенностей воспитания, поведения, образа жизни, культурных установок, образования, психологического состояния, социальной среды правонарушителя (преступника) до совершения им правонарушения (преступления), наличия ранее совершенных однородных (тождественных) административных правонарушений и обстоятельств совершения антиобщественного деяния. Все отклонения от социальных норм следует документально фиксировать, а затем учитывать при назначении уголовного наказания либо принудительных мер криминологического характера.

Наконец, *уголовно-исполнительное воздействие*, в свою очередь, обеспечивается при помощи режима и условий содержания, мер поощрения и наказания, социальной реабилитации, что способствует исправлению молодого человека, осужденного за преступление экстремистской направленности. Предупредительная эффективность исполнения уголовного наказания в отношении молодых лиц, совершивших экстремистские преступления, должна базироваться на вариативном подходе, предполагающем дифференциацию (в зависимости от социальной опасности личности) на две большие категории: тех, кто никогда не должен попадать в исправительное учреждение, и тех, кто никогда не должен из него выходить [3, с. 80]. Для первой категории предполагается законодательное обоснование и закрепление таких наказаний, как штраф, обязательные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, принудительные работы и краткосрочное лишение свободы, не превышающее 3 лет. Для преступников, которые относятся ко второй группе, надлежит избирать максимальные либо неограниченные по продолжительности сроки лишения свободы; для экстремистов, представляющих угрозу для государства, – пожизненное лишение свободы.

В свете изложенного важно подчеркнуть, что реализация принципа неотвратимости и соразмерности наказания за осуществление экстремистской деятельности относится к одному из главных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму [4]. Данная идея, безусловно, заслуживает поддержки, однако необходимо отметить, что уголовное законодательство предусматривает возможность применения помимо наказания и иных мер воздействия на лиц, совершивших экстремистские преступления. В юридической доктрине под такими мерами подразумевается интегративное понятие, включающее широкий круг правовых последствий совершения общественно опасного деяния [5, с. 308–318]. При этом к несовершеннолетним применяются все основополагающие положения УК РФ, в то время как разделом V данного кодекса предусмотрены специальные правила реализации в отношении названной категории лиц: как «классических» мер (наказание, условно-досрочного освобождения от его отбывания и др.), так и адресованных только им – принудительных мер воспитательного воздействия.

Важной предпосылкой выбора адекватной меры уголовно-правового характера выступает правильная квалификация содеянного. В связи с этим необходимо отметить, что, несмотря на чрезвычайную ценность объекта экстремистских посягательств, уголовная ответственность должна наступать исключительно при наличии всех признаков соответствующего состава преступления. Показателен в этом отношении следующий пример из судебной практики. М. передал другим лицам около 10 экземпляров газеты, в тексте которой содержались фрагменты экстремистского характера. Суд кассационной инстанции указал на то, что в обвинительном заключении отсутствовали фактические обстоятельства, являющиеся неотъемлемой частью события предполагаемого преступления, а именно: не конкретизированы мотивы совершения преступления, не раскрыто содержание действий, предпринятых в целях распространения газеты и доведения ее содержания до сведения иных лиц. Ввиду недоказанности прямого умысла и направленности деяния на возбуждение ненависти или вражды предшествующие приговор и апелляционное постановление были отменены [6]. По поводу значимости учета признаков экстремистского преступления следует акцентировать внимание на том, что судебная практика в настоящее время исходит из дифференцированного подхода (через призму общественной опасности) к юридической оценке действий в сети Интернет. В отношении деяний, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц, Пленум Верховного суда РФ предписал учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ и исходить из размера и состава аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количества ее просмотров и влияния на поведение лиц, составляющих данную аудиторию [7].

Переходя к анализу перечня наказаний, назначаемых несовершеннолетним, следует отметить, что он сокращен ввиду не только прямого установления ч. 1 ст. 88 УК РФ, но и ограничения применения некоторых из них. Несмотря на длительные дискуссии в профессиональном юридическом сообществе, штраф может взыскиваться и с родителей или иных законных представителей с их согласия, что, как представляется, не отвечает целям наказания. Необходимо также особо подчеркнуть, что Пленум Верховного суда РФ указывает на необходимость назначать

несовершеннолетнему наказание в виде лишения свободы субсидиарно, т. е. лишь после рассмотрения вопроса об освобождении от уголовной ответственности и признания невозможности исправления конкретного лица без изоляции от общества [8]. В результате на практике часто встречаются случаи, когда суд назначает наказание подростку в большей степени с учетом положений ст. 88, а не исключительно на основе санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Так, при совершении преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 282 УК РФ, в отсутствие оснований для назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок или принудительных работ несовершеннолетний может быть осужден к обязательным работам [9], причем ссылка на ст. 64 УК РФ в данном случае не требуется.

Рассматривая принудительные меры воспитательного воздействия, перечисленные в ч. 2 ст. 90 УК РФ, необходимо прежде всего отметить, что диапазон их применения ограничен категорией преступления (небольшой или средней тяжести) в случае освобождения как от уголовной ответственности, так и от наказания. В целом анализ судебной практики позволяет констатировать наибольшую востребованность данных мер при совершении хищений, а не преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, что во многом обусловлено соотношением общего числа названных посягательств. В качестве иллюстрации их применения можно привести постановление о прекращении уголовного дела в отношении Н., совершившего преступление, предусмотренное в ч. 1 ст. 282 УК РФ. При этом суд в соответствии с ч. 3 ст. 90 УК РФ назначил Н. одновременно две меры: передачу под надзор родителей и ограничение досуга в виде непосещения увеселительных заведений сроком на 6 месяцев [10].

Важно также учитывать то, что при совершении подростком тяжкого преступления и изменении категории последнего (ч. 6 ст. 15 УК РФ) освобождение от уголовной ответственности как с применением принудительных мер воспитательного воздействия, содержащихся в ч. 2 ст. 90 УК РФ, так и на общих основаниях невозможно.

Спецификой с точки зрения правовой природы обладает помещение несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУЗТ). Данные учреждения не входят в уголовно-исполнительную систему, и в них могут быть помещены в том числе лица, не подлежащие уголовной ответственности в силу возраста или отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Они ориентированы не только на оказание социально-психологической и педагогической помощи, но и на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних [11]. В то же время с долей условности можно констатировать, что СУВУЗТ выполняют и функции уголовно-правового характера, проявляющиеся в режимных моментах пребывания воспитанников. В частности, в локальных нормативных актах учреждений закрепляются правила поведения на построении и в строю; право воспитанника на телефонный звонок раз в неделю; дисциплинарные взыскания, в том числе лишение права выезда по месту жительства в зимний и летний каникулярные периоды или за пределы учреждения для участия в муниципальных мероприятиях [12].

Согласно ч. 2 ст. 92 УК РФ, рассматриваемая разновидность освобождения от наказания может использоваться как принудительная мера воспитательного воздействия сроком до 3 лет при совершении несовершеннолетним тяжкого или средней тяжести преступления и осуждении его к лишению свободы. В контексте настоящего исследования примечательно, что законодатель не ограничил возможность применения данной меры к лицам, совершившим преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности. В частности, ст. 280, ст. 280.1, ст. 280.2, ст. 282, ч. 1, 2 ст. 282.1, ч. 1, 2 ст. 282.2, ст. 282.3 УК РФ, соответствующие заданному критерию категории преступления не представлены в перечне исключений, содержащемся в ч. 5 ст. 92 УК РФ. Вместе с тем при совершении так называемых константных преступлений экстремистской направленности (п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ) [13, с. 17] помещение несовершеннолетних в СУВУЗТ не практикуется.

Следует обратить внимание на то, что применение рассматриваемой меры воспитательного воздействия в ряде случаев блокируется иными уголовно-правовыми предписаниями. В частности, как следует из ч. 2 ст. 92 УК РФ, обязательным условием данного вида освобождения от наказания выступает предшествующее его назначение, причем обязательно в виде лишения свободы [14, с. 21–22]. С учетом ч. 6 ст. 88 УК РФ несовершеннолетнему, впервые совершившему в возрасте до 16 лет экстремистское преступление средней тяжести, суд просто не сможет назначить наказание в виде лишения свободы и должен будет определить иной вид наказания. Соответственно, вопрос о помещении данного несовершеннолетнего в СУВУЗТ вообще не подлежит рассмотрению, хотя такая мера могла бы быть эффективной.

Несколько иначе выглядит ситуация совершения впервые тяжкого преступления (например, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ) лицом, не достигшим 16-летнего возраста. Если суд, руководствуясь ч. 6 ст. 15 УК РФ, придет к выводу об изменении категории преступления, то вновь

назначение наказания в виде лишения свободы в силу ч. 6 ст. 88 УК РФ не представляется возможным. С одной стороны, неприменение освобождения от наказания с помещением в СУВУЗТ в данном случае можно в определенной степени признать оправданным с точки зрения общественной опасности совершенного преступления. С другой стороны, названные лица оказываются в неравном положении в сравнении с несовершеннолетними, которым на основании уголовного закона за тяжкое преступление будет назначено наказание в виде лишения свободы, а значит, в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ может быть и применено освобождение от наказания.

Представляется, что дальнейшее совершенствование системы мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам в возрасте 14–29 лет, должно осуществляться с учетом специфики экстремистских посягательств, выражающихся в формировании у молодых людей установок нетерпимости к отдельным социальным группам. Поэтому государственное реагирование должно быть направлено в большей степени на духовно-нравственное воспитание, а не на карательное воздействие.

В заключение, говоря об *индивидуально-исправительном воздействии* на осужденного в процессе исполнения уголовного наказания, можно констатировать, что оно определяется следующими средствами: общественно полезным трудом, профессионально-технической подготовкой, общеобразовательным обучением, индивидуальной воспитательной работой, применением мер поощрения и взыскания, технических средств контроля [15, с. 40–42; 16, с. 64–66]. Разумеется, использование перечисленных средств должно осуществляться с учетом специфики совершенного экстремистского преступления и личности осужденного. Применяя указанные средства, необходимо помнить о том, что экстремисты отличаются фанатичностью и устойчивостью воззрений, способны распространять свои взгляды в любой социальной среде, трудно перевоспитываемы тюремными условиями [17, с. 226–229]. По справедливому мнению А.И. Гурова, начало XX в. породило одну из самых опасных категорий осужденных – «профессиональных революционеров», или «политкаторжан», отличавшихся устоявшимися антисоветскими установками и неоднократно нарушавшими режим [18, с. 91]. Исходя из этого, наиболее оптимальным выходом из создавшейся ситуации будет применение со стороны администрации учреждений, исполняющих уголовное наказание, мер медицинского характера, связанных с улучшением психического состояния осужденных за экстремистские преступления; использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, в том числе в целях получения необходимой информации о поведении экстремистов, отбывающих наказание (ч. 1 ст. 60 УИК РФ); осуществление оперативно-разыскных мероприятий, направленных на предупреждение распространения экстремистских взглядов в среде осужденных (ч. 1 ст. 84 УИК РФ); применение институтов социальной адаптации и профилактического надзора в отношении отбывших наказание.

На наш взгляд, только при соблюдении комплексного и всестороннего подхода к реализации предлагаемой модели предупреждения экстремизма в молодежной среде можно достичь в этой сфере максимального и стабильного эффекта.

Список источников:

1. Aiello E., Puigvert L., Schubert T. Preventing Violent Radicalization of Youth through Dialogic Evidence-Based Policies // *International Sociology*. 2018. Vol. 33, no. 4. P. 435–453. <https://doi.org/10.1177/0268580918775882> ; Sjøen M.M., Jore S.H. Preventing Extremism through Education: Exploring Impacts and Implications of Counter-Radicalisation Efforts // *Journal of Beliefs & Values*. 2019. Vol. 40, no. 3. P. 269–283. <https://doi.org/10.1080/13617672.2019.1600134>.
2. Koruth S.T. Engaging Youths in Counter-Violent Extremism (CVE) Initiatives // *Learning from Violent Extremist Attacks: Behavioural Sciences Insights for Practitioners and Policymakers* / ed. by M. Khader et al. Singapore, 2019. P. 221–236 ; Naval A. Youth De-Radicalization: A Canadian Framework // *Journal for Deradicalization*. 2017. Vol. 12. P. 119–168.
3. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997. 374 с.
4. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный сайт Президента России. 2020. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения: 11.10.2021).
5. Российское уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина; д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М., 2014. 559 с.
6. Постановление Краснодарского краевого суда № 44У-63/2015 от 22 апр. 2015 г. по делу № 44У-63/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://clck.ru/Y8wjC> (дата обращения: 11.10.2021).
7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ № 11 от 28 июня 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда РФ № 1 от 1 фев. 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Краснодарского краевого суда № 4У-1097/2016 от 22 апр. 2016 г. по делу № 4У-1097/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://clck.ru/Y8vmZ> (дата обращения: 11.10.2021).
10. Постановление Советского районного суда г. Тамбова № 1-256/13 1-256/2013 от 10 окт. 2013 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://clck.ru/Y8wh4> (дата обращения: 11.10.2021).

11. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Федер. закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. Доступ из справ.-информ. портала «Гарант».
12. Локальные акты [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственного казенного специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа общеобразовательной школы Краснодарского края. 2021. URL: <http://specshkola.com/svedeniya-ob-obrazovatelnoy-organizatsii/docs/lokalnye-normativnye-akty> (дата обращения: 11.10.2021).
13. Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный, 2020. 632 с.
14. Пудовочкин Ю.Е. Освобождение несовершеннолетнего от уголовного наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа // Уголовное право. 2021. № 3 (127). С. 17–33.
15. Громов В.Г. Профилактика преступлений осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1 (11). С. 39–43.
16. Кийкин Д.В., Озерский С.В. О правовых, организационных и технических проблемах предупреждения (профилактики) совершения повторных преступлений осужденными без изоляции от общества (по материалам аналитической информации уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России) // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 63–69.
17. Ломброзо Ч. Анархисты // Преступный человек / пер. Н.С. Житкова. М., 2005. С. 223–312.
18. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. 301 с.

Информация об авторах

В.П. Коняхин – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=350294.

А.В. Петровский – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407629.

Т.Ю. Батютина – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=783959.

Information about the authors

V.P. Konyakhin – LL.D., Professor, Head of the Department, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=350294.

A.V. Petrovskiy – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=407629.

T.Yu. Batyutina – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=783959.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.09.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.10.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 14.10.2021.